

ЭЛЕГИЧЕСКИЙ ДИСТИХ – вид античной строфы; двустишие, первая строка которого имеет форму *гекзаметра* (см. одноименную статью), а вторая – *пентаметра*:

(–UU)(–UU)– / –UU –UU –

Элегический дистих используется как одиночная, самодостаточная строфа и как повторяющийся элемент стихотворного текста.

Если писатель не хочет взять тему пониже, чем “вечность”,
Значит – созданным его в вечности жить не дано.
(В.Я.Брюсов. «Автору мировых драм»)

Бархатно-черная, с теплым отливом сливы созревшей,
вот распахнулась она; сквозь этот бархат живой
сладостно светится ряд васильково-лазоревых зерен
вдоль круговой бахромы, желтой, как зыбкая рожь.
Села на ствол, и дышат зубчатые нежные крылья,
то припадая к коре, то обращаясь к лучам...
(В.В.Набоков. «Бабочка»)

Пентаметр (греч. pentametros) – пятимерник; последний в древнегреческом стихе долгий слог иногда превращался в краткий, и тогда 6-стопный (6-мерный) стих сокращался на 1 стопу. Пентаметр отдельно от гекзаметра не использовался, поэтому встречается только в элегическом дистихе. Можно заметить, что оба полустишия пентаметрической строки симметричны (3-стопный дактиль с мужской клаузулой) и одинаково соотносятся с левым полустишием в гекзаметре. Особенно четко симметрия частей пентаметра проявилась в русской силлаботонической поэзии. Поэтому допустимые стопные замены встречаются в пентаметре значительно реже, чем в гекзаметре (ниже курсивом отмечены стопные замены в гекзаметре):

В зеркале часто се(*бя / ты*) (*видишь*), с детской улыбкой
Свой поправляя венки; / так разреши мне сама,
Где у тебя на ли(*це*) / более жизни и страсти:
Вешним ли утром в саду, / в полном сиянии зари,
Иль у огня мое(*го, / ког-*)да я боюсь, чтобы искра,
С треском прыгнув, не сожгла / ножки-малютки твоей?
(А.А.Фет. «Друг мой! Могу ль при тебе
дождаться блаженства в грядущем?...»)

В элегическом дистихе строки гекзаметра и пентаметра противопоставлены по ряду признаков. Прежде всего по интонационному узору, что ярко проиллюстрировал сконструированным примером стиховед О.И.Федотов (см.: *Федотов О.И. Основы русского стихосложения*. М., 1997. С.46):

Бьет в гекзаметре вверх водяная колонна фонтана,
Чтобы в пентаметре вновь мерно, певуче упасть.

Кроме того, часто строки элегического дистиха (сказывается многовековая традиция его использования в эпиграммах) противопоставлены по смыслу. Смысловым противопоставлением двух строк можно добиться комизма. Такого рода контраст помогает писателю высказать парадоксальное суждение (см. выше пример из Брюсова) или создать каламбур:

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.
(А.С.Пушкин. «К переводу Илиады»)

Если произведение составлено из нескольких строф элегического дистиха, то могут быть противопоставлены по смыслу не стихи, а смежные двустишия. Так устроены некоторые

эпиграммы Пушкина (“Царскосельская статуя”, “Отрок”). Наконец, парадоксальность, изначально свойственную форме элегического дистиха, могут выражать парные произведения. Парные эпиграммы у Пушкина – “На перевод Илиады” (восторженный отзыв) и “К переводу Илиады” (критический отзыв), “На статую играющего в свайку” (“книжное”, идеализирующее описание древнегреческого юноши) и “На статую играющего в бабки” (живое, реалистическое описание русского юноши из простонародья).

Выбор Пушкиным формы элегического дистиха для названных произведений далеко не случаен: они так или иначе связаны с темой Античности (царскосельская статуя и статуя играющего в свайку – подражания античным скульптурам, адресат эпиграмм на “Илиаду” Н.И.Гнедич – переводчик с древнегреческого языка). Ту же связь обнаруживаем и в стихотворениях “Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?..”, “Рифма”, “Труд”.

Эта связь была определена широкой популярностью формы в древнегреческой, а затем и в древнеримской поэзии. Сперва чередование строк гекзаметра и пентаметра распространилось в лирическом жанре элегии (с патриотической тематикой – у Каллина и Тиртея, с любовной – у Мимнерма). В римской поэзии элегический дистих проникает как в предельно малые формы (эпиграммы Катутлла), так и в большие (“Наука любви” Овидия). Средневековые поэты-латинисты создают многочисленные подражания древним классикам, активно используя элегический дистих в жанрах эпитафии, сатирической эпиграммы, послания, даже научного трактата в стихах. Пик интереса к элегическому дистиху – как в западноевропейской, так и в русской поэзии – приходится на период романтизма. Немецкие поэты И.В.Гете и Ф.Шиллер создают широкий цикл эпиграмм “Ксении”, вместивший несколько сотен сатирических двустиший.

В России к этой форме часто обращаются стихотворцы пушкинского круга А.А.Дельвиг (“Купидону”, “Мы”, “Утешение”, “Смерть” и др.) и В.К.Кюхельбекер (“Разлука”, “К Матюшкину”, “Отчизна”, “Memento mori” и др.).

Лучшие образцы русского элегического дистиха середины XIX в. – в творчестве Фета. Он использовал популярную форму в разнообразных по тематике, тону и стилю элегиях: в стихотворениях на “антологические” темы (“Кусок мрамора”, “Сон и Пазифая”, “Сон и Смерть”), в стилизованных под Античность пейзажных зарисовках (“Долго еще прогорит Вespera скромная лампа...”) и эпических миниатюрах (“Амимона”).

Особенно интересны образцы медитативной лирики, в которых характерные для творчества Фета мотивы помогают воплотить подражание технике античных стихотворцев (“Право, от полной души я благодарен соседу...”, “Любо мне ночью стоять у окошка в потемках...”, “Каждое чувство бывает понятней мне ночью, и каждый...”). Интересна мотивация обращения Фета к традиционно нерифмованному элегическому дистиху в любовном послании “Друг мой, бессильны слова, - одни поцелуи всеильны...”:

Правда, и сам я пишу стихи, покоряясь богине, -
Много и рифм у меня, много размеров живых...
Но меж ними люблю я рифмы взаимных лобзаний,
С нежной цезурой уст, с вольным размером любви.

В целом в русской поэзии середины XIX в. элегический дистих редко появляется в произведениях “серьезных” жанров, но все чаще его используют авторы пародийных и сатирических эпиграмм. Так, Козьма Прутков в эпиграмме “Философ в бане” формой элегического дистиха пародирует “античную” лирику Н.Ф.Щербины. В то же время поэт-демократ М.Л.Михайлов облакает в форму античных двустиший острую политическую сатиру (“Конституционист”, “Недоразумение”, “Взыскание”, “Полицейская гуманность” и др.).

К началу XX в. чередование гекзаметра и пентаметра используется в основном в переводах с древнегреческого и латинского языков. Завершается процесс смыслового “облегчения” этой древней формы: в самостоятельных произведениях русские поэты первой половины XX в. чаще всего прибегают к элегическому дистиху как к средству оформления юмористического содержания. Это характерно даже для такого поклонника античной культуры, как О.Э.Мандельштам (эпиграммы “На В.К.Шилейко”, “На М.Л. Лозинского”, “Подражание новогреческому”). Русская поэзия второй половины XX в. форму элегического дистиха не востребовала.

Источник: Л.В.Чернец, В.Б.Семёнов, В.А.Скиба. Школьный словарь литературоведческих терминов. М., Просвещение, 2002. С. 181-184.